

ет в наши дни не только особую действенность в структурировании новых социокультурных, экономических, геополитических пространств, но и становится условием формирования новых структур, новых систем отношений в сложном глобальном переходе в исторически новое состояние. А это значит, что сквозь призму урбанизации можно рассматривать комплекс наиболее значимых и универсальных тенденций жизнедеятельности общества: социальных, психологических, технических, экономических, коммуникационных, духовных и т.д., а, следовательно, – особенности протекания социальных процессов в современном мире.

Литература

1. Лопатенко, В.М. Урбанизация как глобальный процесс современности: специфика и формы / В.М. Лопатенко // Ломоносовские чтения 2004: сб. ст. / МГУ, ФТ социологии, 2004. – М., 2004. – С. 54-60.
2. Пирогов, С.В. Социология города. Конспект лекций / С.В. Пирогов. – Томск, 2003. – 211 с.
3. Красовский, К.К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ / К.К. Красовский. – Брест: Изд-во БрГУ, 2004. – 203 с.
4. Галич, З.Н. Особенности урбанизации на рубеже XX–XXI вв. Запад. Восток. Россия / З.Н. Галич // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э.В. Сайко [и др.]; под ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с. – С. 489.
6. Тыхеева, Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии) / Ю.Ц. Тыхеева // Московский гуманитарный университет [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.mosqu.ru/> – Дата доступа: 09.12.2007.
7. Сайко, Э.В. Урбанизация – явление и процесс исторического развития / Э.В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э.В. Сайко [и др.]; под ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
8. Кагель, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кагель. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Сайко, Э.В. Урбанизация – организующий фактор исторического развития / Э.В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э.В. Сайко [и др.]; под ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
10. Вагин, В.В. Городская социология / В.В. Вагин. – М, 2000. – 169 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

О.Ф. Оришева

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

На сегодняшний момент «глобализация» стала тем ключевым словом, употребление которого практически невозможно избежать при попытках диагностировать состояние современных обществ. Действительно, это понятие прочно оккупировало дискурс, в первую очередь, социальных наук, в рамках которых оно играет роль универсальной рамки, позволяющей очертить общий контекст происходящих в ми-

Рассмотрим ситуацию более детально. Прежде всего, как отмечает крупнейший современный военный историк Мартин ван Кревельд, со времен Томаса Гоббса одной из важнейших функций государства было ведение войн против других политических объединений. «Если бы не потребности ведения войны, развитие бюрократической системы, налогообложения и даже системы социальных услуг в сфере образования, здравоохранения и т. п., вероятно, происходило бы гораздо медленнее» [3, с. 413]. Война не только значительно повлияла на формирование структуры и организации государства, но и на возникновение национального самосознания. Так, в Германии и Австрии «академический» национализм культурной элиты превращается в массовый стереотип именно в контексте захватнических войн Наполеона [4, с. 158].

Упадок «традиционной войны» вызван многими причинами, самой простой из которых является появление ядерного оружия. По мере того, как ядерные вооружения совершенствовались и получали новые «места прописки», становилось все более очевидным, что война с использованием такого оружия не имеет смысла, так как по шансам уцелеть в противостоянии победители приравняются к побежденным: если сами вооруженные силы еще представляется возможным сохранить благодаря специальным защитным сооружениям, то обеспечить оборону демографических и промышленных объектов в данной ситуации практически нереально. Осознание этого факта привело к тому, что сдерживание стало одним из центральных приоритетов международной политики и военной стратегии.

Как следствие, военные операции, проводившиеся после 1945 года, стали гораздо более локальными и точечными. Ни одна держава «первого» или «второго мира» не проводила широкомасштабных действий на собственной территории, и в большинстве случаев международные конфликты затрагивали страны, не игравшие значительной роли на общемировой арене (Израиль и арабские страны, Иран и Ирак, Перу и Эквадор). Даже когда речь шла о более влиятельных государствах вроде Китая и Индии, война велась на периферии и не приближалась к столице [3, с. 427].

Важным симптомом отступления «большой войны» стало повсеместное сокращение общенациональных вооруженных сил. В годы Второй мировой войны такие государства как Япония, СССР, Германия и др. демонстрировали способность мобилизовать многомиллионные армии. Несмотря на то, что с тех пор население Земли как минимум утроилось, а международная обстановка (особенно в период противостояния СССР и США) была достаточно напряженной, численной регулярных войск неуклонно продолжает сокращаться [3, с. 423].

Таким образом, несмотря на то, что вторая половина XX-го и начало XXI-го вв. отмечены многочисленными военными конфликтами, можно утверждать, что война в классическом понимании (между двумя государствами или межгосударственными образованиями) практически отошла в прошлое. Сегодня вооруженные конфликты в большинстве случаев представляют собой партизанские войны, в которых друг другу противостоят не два государства, а государство и негосударственные формирования самой различной идеологической и политической направленности.

Перефразируя высказывание У. Эко, можно сказать, что современные войны являют собой своеобразную иллюстрацию к философии М. Фуко, в центре которой находится мысль о том, что в современном мире власть уже не является монолитной и четко локализованной. Напротив, она диффузна, многоглава, связана с постоянной эрозией старых и возникновением новых альянсов [5, с. 22]. В современ-

ных конфликтах сталкиваются уже не интересы двух и более суверенных государств, но интересы многочисленных инстанций власти, от военной промышленности до индустрии туризма.

Утрата государством *экономического суверенитета* исторически соотнесена с кризисом так называемого «государства всеобщего благосостояния», формирование которого принято связывать с появлением в 1880-х «модели Бисмарка», а закат приходится на 70-ые годы прошлого века. Расцвет «социального государства» во второй половине XX-го века объясняют целым рядом взаимосвязанных причин, прежде всего, предвоенным экономическим кризисом, обусловившим популярность социал-демократов и растущее влияние доктрины Дж. М. Кейнса. Что касается теоретиков левого толка, то они, как правило, драматически акцентируют «обескровленность мирового капитала» в результате разрушительной войны и рост самосознания трудящихся масс. Интересно объяснение уже неоднократно цитировавшегося выше М. ван Кревельда, который видит истоки данного феномена в инерционной активности не растратившего свою мощь национального государства: лишившись возможности расширять свои границы за счет территории соседей, государство направляет свои силы на решение внутренних проблем [3, с. 435].

Усиление государственного контроля над экономикой проявилось в активизировавшемся после войны процессе национализации крупных предприятий. Например, в 1940-1960 гг. собственностью британского государства стала угольная, газовая, сталелитейная промышленность, общественный транспорт и др. Еще более решительно проходила национализация во Франции, где помимо крупных отраслей промышленности был национализирован целый ряд фирм, обвиненных в коллаборационизме с немецким оккупационным режимом. Процесс национализации затронул такие страны, как Нидерланды, Италия, Австрия, скандинавские страны, Канада и даже США.

Получив доступ к огромным ресурсам, значительную их часть государство стало тратить на то, чтобы обеспечить своим гражданам определенные социальные блага. К концу 60-х гг. прошлого века, когда социальное государство достигает пика своего развития, жители Западной Европы, Канады и Новой Зеландии могли пользоваться преимуществами различных форм бесплатного образования, бесплатного или субсидируемого медицинского обслуживания, могли получить государственное жилье, страховку от безработицы, несчастных случаев и т. д. Развитие пенсионных программ привело к тому, что достижение «третьего возраста» во многих странах Запада стало рассматриваться как начало новой жизни, когда, освободившись от необходимости работать, человек получает возможность самореализации в приятном и разнообразном досуге. Даже в США, в стране, где сложилось устойчивое негативное отношение к различным проявлениям патернализма и всячески поощряется индивидуализм, в конце 1970-х гг. социальные расходы составляли самую большую статью бюджета [3, с. 444].

Упадок социального государства обусловил целый комплекс причин, однако даже его сторонники отчасти признают, что государство всеобщего благосостояния парадоксальным образом усугубляет проблемы, для решения которых оно создается. Ситуация в данном случае в чем-то аналогична ситуации перегруженности современных городов транспортом: чем лучше и многочисленней становятся дороги, тем больше спрос на автомобили. Сходным образом, применительно к области

социального обеспечения оказывается, что чем больше разнообразных льгот и форм помощи вводит государство, тем большим становится число людей, претендующих на их получение. Столкнувшись с многочисленными проблемами и, в частности, с феноменом стагнации, в конце 1970-х гг. государства радикально изменили свою экономическую политику: интенсивная национализация сменилась столь же интенсивной приватизацией и реприватизацией, происходит масштабное свертывание социальных программ, отказ от регулирования рынка. Характерно, что в экономической теории кейнсианство уступило ведущие позиции направлениям, близким по установкам к «классической школе» и делающим ставку на свободную конкуренцию, частное предпринимательство и минимальное государственное вмешательство.

Переходя к вопросу о проблемах *культурного суверенитета*, хотелось бы сделать акцент не столько на зарождении космополитических форм идентичности, сколько на ослаблении уз солидарности, существовавших между гражданами национального государства поверх классовых различий. Во многих случаях формирование национального государства было связано с наличием неявного договора между массами и жаждащими обрести новые возможности элитами, которые рассчитывали на поддержку масс в обмен на предоставление определенных благ, причем не столько материальных, сколько статусных. Помимо всего прочего, национальность давала вполне ощутимые привилегии: гражданские права, возможности получения образования, социальные права, позволяющие обеспечить приемлемый образ жизни. Однако по мере того, как государство всеобщего благосостояния сдает свои позиции, данные привилегии становятся все менее ощутимыми. Как результат, граждане «все меньше образуют общность, способную к выражению коллективного суверенитета; они – простые подданные, носители прав и обязанностей в абстрактном пространстве, территориальные границы которого кажутся все менее определенными» [6, с. 49].

Можно отметить, что существующая тенденция к ослаблению национальных государств не противоречит усилению «территориального принципа» – процессу образования новых территориальных образований, активизировавшемуся после распада СССР и исчезновения Восточного блока, так как (если брать экономический аспект проблемы) субъекты глобального капитализма более чем заинтересованы в существовании слабых государств с дефектным суверенитетом и «пористыми» границами, способных эффективно осуществлять лишь функцию полицейского контроля [2].

Несмотря на обозначенные выше тенденции, слухи о гибели национального государства по-прежнему остаются «сильно преувеличенными». Можно привести множество контрпримеров, свидетельствующих о том, что положение дел не соответствует апокалипсическому видению теоретиков. Сегодня государства по-прежнему остаются основными субъектами мировой политики и единственным, пожалуй, действенным источником политической инициативы, однако именно эта уникальность государства как организации, обладающей способностью мобилизовать достаточно ресурсов для поддержания порядка, делает ситуацию драматичной, когда на мировой сцене главенствуют транснациональные силы. Фактически это означает, что «глобальная реальность» оказывается по ту сторону рациональных решений и действий.

Сложившееся положение ставит под вопрос одну из важнейших претензий социального познания, историческое возникновение которого во многом связано с желанием пытливого ума освоиться в экстремальном потоке изменений, осмыслить разрыв между прошлым и настоящим, размывание старых традиций и сословных границ. Как пишет по этому поводу Джерард Диленти, уже в своих истоках «социальная теория была в крайней степени озабочена поиском принципа интеграции,

который был бы в состоянии примирить противоречия модерна и наделить единством беспорядочный и фрагментарный мир» [7, с. 29]. Однако сверхсложность и парализующая непрозрачность современной ситуации ставит под сомнение способность теории подводить мозаичность социального мира под концептуальное единство. Сегодня, пожалуй, даже в большей степени, чем в беспокойную эпоху зарождения современных обществ, существует потребность в универсальных теориях, притом, что сама претензия на универсализм рассматривается современными исследователями как пережиток прошлого. Другими словами, теория, соответствующая требованиям своего времени, должна сочетать несочетаемое: «взгляд сверху» со здоровым номинализмом, стремление к всеохватности с иммунитетом против искушения натурализовать глобализацию, то есть представлять ее как объективную, независимую от интересов конкретных групп, историческую тенденцию. При всей сложности и даже невыполнимости этой задачи не решать ее, по всей видимости, нельзя, так как если очертания мира размыты, столь же размытой остается возможность рационального вмешательства в происходящее.

Литература

1. Малахов В. С. Глобальные компиляции / В. Малахов // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=892&numid=18> – Дата доступа: 02.05.2009.
2. Бауман, З. Национальное государство – что дальше (фрагмент) / З. Бауман // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2002. – № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=326&numid=7> – Дата доступа: 25.09.2008.
3. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
4. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит; пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и [др.] – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
5. Эко У. Осмысляя войну / У. Эко // Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 1998. – 94 с.
6. Тамир, Ю. Класс и нация / Ю. Тамир // Логос. – 2006 – № 2. – С. 40-56.
7. Delanty G. The Foundations of Social Theory: Origins and Foundations / G. Delanty // The Blackwell Companion to Social Theory / Ed. by B. S. Turner– Ox.: Blackwell Publishers, 2000. – P. 24-41.

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.В. Петелин

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

Человек живет во времени. Все его дела, поступки, свершения имеют конкретное временное положение. Сам подход к истории – это выделение определенных временных периодов: «древний мир», «средние века», «новое время», «новейший период». При этом последующий период предстает менее продолжительным, чем предыдущий. Ускорение времени – быстрота протекания социальных процессов, не дань модным концепциям, а реальность. Как пишет известный российский историк К.Гаджиев: «...по сути дела до начала XX столетия...социальное и историческое